

Окольская Лидия Александровна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
okoli@yandex.ru

Родительские ценности в 15 странах Европы

Аннотация. В работе анализируются родительские ценности – качества, которые люди считают важным воспитать в детях. Используются данные 7 волны Всемирного исследования ценностей (2017–2018 гг.) для 15 европейских стран, включая Россию. Из 11 моделей бинарной логистической регрессии отобраны 2 наиболее качественные – для независимости и трудолюбия. Изучены страновые эффекты предпочтения независимости и трудолюбия; воздействие показателей жизненного благополучия, религиозности, базовых социально-демографических характеристик.

Ключевые слова: родительские ценности; воспитание; дети; индивидуализм; традиция; религиозность; модернизация; Всемирное исследование ценностей

Okolskaya Lidia Alexandrovna
Institute of sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
okoli@yandex.ru

Parental values in 15 European countries

Abstract. This paper is devoted to parental values – personal qualities which children can learn at home. They may be viewed as social norms pointing at value distance between generations and people’s demand for social change. We use the preliminary data release of 7th wave of World Values Survey conducted in 2017–2018 in 15 European countries, including Russian Federation. We built 11 binary logistic regression models and chose the best 2 of them – for independence and hard work. We analyzed country effects for encouraging independence and hard work in children; well-being, religiosity and basic social demographic effects are also studied.

Keywords: parental values; children; individualism; modernization; religiosity; autonomy; World Values Survey

Родительские ценности – представления взрослых об идеальном ребенке, которые заставляют поощрять в нем определенные качества в ходе воспитания. Эти представления варьируют в зависимости степени жесткости нормативной культуры, к которой принадлежит семья [Гельфанд 2018]. В целом, в более традиционных обществах от ребенка требуется жесткое подчинение групповым нормам – и, соответственно, на первый план выходит такое качество как послушание. По мере модернизации, предполагающей повышение уровня экзистенциальной безопасности, требование беспрекословного подчинения ослабляется и уступает место поощрению

самостоятельности, или же независимости [Инглхарт, 2018]. Классические исследования показывают, что во второй половине XX века в американском обществе происходило ослабление акцента на первом качестве и усиление – на втором [Lynd, Lynd, 1929; Duvall, 1946; Kohn, 1959; Lenski, 1963; Wright, Wright, 1976; Alwin, 1986]. Сходные процессы происходили в и других странах. Однако, в связи с ростом религиозного фундаментализма в мире, послушание и родственные ему конформистские ценности могут снова выйти на первый план даже в модернизированных обществах – по крайней мере, в некоторых социальных группах [Scott 2000].

Послушание и самостоятельность служат маркерами детской эмансипации и выражают более общую установку родителей на индивидуалистическую либо социальную фокусировку в воспитании, а также на жесткость или свободный характер нормативной культуры [Kelley, de Graaf, 1997; Xiao, 2000a; 2000b; Fjellvang, 2011; Sieben, 2017; Doerke, Zilibotti 2017]. Эта установка может вытекать из структуры их собственных ценностей, а может означать, что родители осознали, что те или иные ценности стали актуальными для изменившейся реальности, и начали поощрять их, не будучи их носителями [Tam 2012].

Исследования показывают, что население европейских стран можно распределить на ценностные классы с индивидуалистической либо социальной ориентацией, а также класс роста [Магун и др., 2015; Rudnev, et al. 2015]. Сходное распределение можно проделать и по родительским ценностям.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы сравнить ориентацию жителей 15 европейских стран, включая Россию, на воспитание в детях автономистских, индивидуалистических качеств, в частности независимости, и социально ориентированных, конформистских качеств (таких, как послушание). Провести регрессионный анализ данных.

Задачи исследования:

1. Изучить регрессионные страновые эффекты предпочтения детских качеств. Проанализировать положение России в сравнении с другими странами.
2. Изучить группировки детских качеств в разных странах на основе корреляционного и факторного анализа.
3. Изучить эффекты социально-демографических переменных, показателей жизненного благополучия и религиозности на выбор тех или иных родительских ценностей.

Эмпирическая база исследования: предварительные данные 7-й волны Всемирного исследования ценностей¹⁶², включающие подвыборки 15 стран: Австрии, Армении, Болгарии, Беларуси, Хорватии, Чехии, Грузии, Германии, Исландии,

¹⁶² Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2020. World Values Survey: Round Seven. Madrid: JD Systems Institute.

Польши, России, Словакии, Словении, Испании и Швейцарии. Сбор данных проводился в 2017–2018 гг. по репрезентативным для каждой страны выборкам, объем которых варьировался от 673 человек (в Швейцарии) до 2 194 (в Грузии). Общее число опрошенных составило почти 22 000 человек.

Родительские ценности в данном опросе измеряются через выбор личностных качеств ребенка из предложенного списка. Респонденты могут выбрать пять качеств из одиннадцати, не ранжируя их по степени важности. Сам вопрос звучит следующим образом:

«Вот список качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Вы считаете какие-то из них особенно важными? Вы можете выбрать не более пяти качеств! (Отметьте не более пяти):

1. *хорошие манеры,*
2. *независимость,*
3. *трудолюбие,*
4. *ответственность,*
5. *воображение,*
6. *терпимость и уважение к другим людям,*
7. *бережливость (бережливое отношение к деньгам и вещам),*
8. *решительность, настойчивость,*
9. *религиозность,*
10. *бескорыстие, неэгоистичность,*
11. *послушание».*

Ответы респондентов во многом предопределяются предложенными вариантами. Данный список используется уже много лет и в целом устоялся, хотя в некоторых волнах «хорошие манеры» могут заменяться «самовыражением». В предыдущей работе мы анализировали данные сходного опроса, проводившегося в 1989 и 1999 гг. в России в рамках проекта «Человек советский» под руководством Ю. А. Левады [Левада, 1993; Левада, 2000; Окольская, 2017]. Набор детских качеств в нем был иным, и они были иначе сформулированы, хотя при составлении опросного инструмента российские исследователи ориентировались в том числе на классические работы супругов Линд и Д. Олвина. Тем не менее, анализ детских качеств в этих опросах позволил выделить среди них индивидуалистическую и социальную фокусировку.

Аналогичным образом, можно провести ценностную интерпретацию детских качеств в нашем вопроснике. Корректность этой интерпретации может быть проверена эмпирически, с помощью корреляционного анализа.

Предварительные результаты анализа

Мы изучили корреляции между отдельными качествами детей в каждой из 15 стран. Для удобства использовали метод факторного анализа, чтобы сразу выявить противопоставление качеств одного типа другим. Здесь было обнаружено

следующее: только в 10 странах из 15 набор детских качеств однозначно раскладывается на блоки деятельного индивидуализма и традиционной социальности. В первый входят: независимость, решительность и настойчивость, воображение, часто ответственность. Иногда к ним присоединяются и альтруистические качества, такие как терпимость и уважение к другим людям и бескорыстие. Во втором блоке собираются качества, воплощающие ценности конформности, традиции и безопасности: трудолюбие, бережливость, хорошие манеры, религиозность и послушание. Часто бывает, что какое-то одно или два из качеств не примыкает ни к тому, ни к другому блоку. Страны, в которых происходит такое распределение – это Австрия, Хорватия, Германия, Исландия, Польша, Россия, Словакия, Словения, Испания и Швейцария. В Чехии в первом факторе не получилось противопоставления деятельного индивидуализма и традиционной социальности, но во втором факторе эта структура воспроизводится. Остальные 4 страны – Армения, Грузия, Белоруссия и Болгария – демонстрируют совершенно иную структуру связей между качествами. Причины этого явления мы намерены изучить в ходе дальнейшей работы с данными.

Присутствие нетипичных случаев в нашем массиве затрудняет построение суммарных индексов для всех 15 стран. Поэтому на данном этапе мы ограничимся анализом отдельных детских качеств, а в дальнейшем все же попытаемся перейти к индексам.

Мы построили 11 моделей бинарной логистической регрессии для каждого из детских качеств. Перечень предикторов включает базовые социально-демографические характеристики, показатель религиозности и некоторые показатели жизненного благополучия. Мы предполагаем, что религиозность и социальная уязвимость респондентов должны усиливать их приверженность ценностям традиционной социальности, в то время как жизненное благополучие и светскость должны повышать акцент на индивидуалистических качествах. Использовались следующие предикторы: страновая принадлежность, размер населенного пункта, пол и возраст респондента, наличие и количество детей, образование, принадлежность к конфессии, субъективная оценка совокупного дохода семьи, оценка уровня здоровья. Перечень может быть дополнен при дальнейшей работе с данными.

Предварительный анализ показал, что подавляющее большинство моделей имеет низкую прогностическую способность: либо чувствительность, либо специфичность в них оказались на низком уровне. Лишь 2 логистические регрессии отличаются высоким качеством, то есть предсказывают более 60 % как положительных, так и отрицательных ответов. Это модели для *независимости* – качества, выражающего индивидуалистические ценности и *трудолюбия* – воплощения традиционных ценностей, в частности выживания. Общее количество правильно предсказанных ответов – 67 и 76 % в первой и второй моделях соответственно. Значения псевдо R^2 Найджелкерка составляют 0,206 для модели независимости и 0,341 для трудолюбия. Учитывая специфику социологических

данных, это довольно высокие показатели. Исходя из полученных результатов, наша дальнейшая работа сосредотачивается на этих двух моделях.

Рассмотрим регрессионные коэффициенты, представленные в Таблице. Прежде всего, изучим страновые эффекты для моделей 1 (независимость) и 2 (трудолюбие). Независимые переменные закодированы так, что 1 – качество выбрано, 0 – не выбрано. Соответственно, повышающие коэффициенты свидетельствуют о большей приверженности исследуемым детским качествам.

В Таблице показано сравнение стран с Россией как опорной категорией. По выбору *независимости* Россия оказалась ожидаемо схожа с Беларуссией и Польшей. При этом во всех остальных странах обнаружены повышающие коэффициенты, что свидетельствует о более сильном стремлении их жителей воспитать независимость в детях. Особенно высокие коэффициенты наблюдаются в западноевропейских странах (Австрия, Швейцария, Германия, Исландия), а также в некоторых восточноевропейских (Чехия, Словения). Грузия занимает промежуточное положение между странами, особенно высоко ценящими независимость в детях, и странами с умеренно высокими коэффициентами. Подстановка Грузии в качестве опорной категории разделяет наш массив на две части, одна из которых включает страны Восточной Европы и бывшего СССР (Армению, Беларуссию, Россию, Болгарию, Польшу и Хорватию), другая – западноевропейские и часть восточноевропейских стран (Чехию, Исландию, Словению, Австрию, Германию, Словакию, Швейцарию). При этом сама Грузия оказалась наиболее сходна с Испанией (различия на границе значимости в 0,053). Выбор независимости можно считать одним из наиболее ярких маркеров индивидуалистических родительских ценностей, и мы видим, что его страновое распределение вполне соотносится с картой собственных ценностей взрослых людей в разных культурных зонах [Инглхарт 2018].

По воспитанию *трудолюбия* (модель 2), которое является наиболее популярным, массово выбираемым детским качеством в России, наша страна снова оказалась близка с Беларуссией и Польшей, но также и с Чехией. Для респондентов из подавляющего большинства стран трудолюбие оказалось менее значимо, чем для россиян. В этом отношении обгоняет Россию только Болгария. Изменив опорную категорию с России на Хорватию, получим распределение стран на группы с высокой и низкой приверженностью трудолюбию. К первой группе относятся все западноевропейские страны нашего массива (Австрия, Швейцария, Испания, Словения, Исландия, Германия). Во вторую входят страны Восточной Европы и бывшего СССР (Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Россия, Беларуссия, Грузия, Армения). Трудолюбие, ассоциирующееся прежде всего с выживанием, безопасностью и конформизмом, распределяется географически сходно с собственными ценностями людей. Мы планируем провести более подробный анализ сходств и различий этих распределений в своей дальнейшей работе.

Таблица 1. Коэффициенты логистической регрессии для «независимости» и «трудолюбия» как предпочтительных детских качеств (WVS 2017, 15 стран, 21 728 чел.)

Опорные категории	Предикторы	1		2	
		Независимость		Трудолюбие	
		В	Знач-ть	В	Знач-ть
Россия	Австрия	1,749	,000	-3,224	,000
	Армения	,190	,021	-,451	,000
	Болгария	,591	,000	,708	,000
	Белоруссия	-,120	,148	,118	,221
	Хорватия	,441	,000	-,886	,000
	Чехия	2,145	,000	,183	,074
	Грузия	1,029	,000	-,242	,006
	Германия	1,842	,000	-1,866	,000
	Исландия	2,419	,000	-1,758	,000
	Польша	,096	,292	-,059	,574
	Словакия	1,551	,000	-,290	,006
	Словения	2,330	,000	-2,297	,000
	Испания	,853	,000	-2,520	,000
	Швейцария	1,589	,000	-2,430	,000
Более 500 000 чел.	до 5 000 чел.	-,323	,000	,098	,096
	5 000–20 000 чел.	-,217	,000	-,069	,271
	20 000–100 000 чел.	-,264	,000	-,011	,859
	100 000–500 000 чел.	-,232	,000	-,153	,020
Жен.	Мужчины	-,053	,110	,096	,009
65+	15–24	,278	,000	-,588	,000
	25–34	,197	,001	-,540	,000
	35–44	,232	,000	-,410	,000
	45–54	,250	,000	-,363	,000
	55–64	,163	,002	-,185	,002
2 и более детей	Бездетные	,014	,763	-,103	,047
	Один ребенок	,108	,013	-,025	,611
Высшее образование	Другой уровень образования	-,560	,435	,580	,458
	Низший уровень образования	-,444	,000	,127	,039
	Средний уровень образования	-,211	,000	,123	,005
Доход: 8–10 децили	доход: 1–3 децили	-,258	,000	,118	,037
	доход: 4–7 децили	-,187	,000	,133	,007
Плохое здоровье	Хорошее здоровье	,114	,055	-,096	,154
	Удовлетворительное здоровье	-,025	,664	,021	,750
Без конфессии	Имеющие конфессию	-,299	,000	,178	,000
	Константа	-,360	,000	1,498	,000
R²	Кокса-и-Снелла	0,155		0,242	
	Найджелкерка	0,206		0,341	

Рассмотрим эффекты социально-демографических переменных, религиозности и жизненного благополучия в отношении выбора независимости и трудолюбия как предпочтительных детских качеств. Гендерных различий в воспитании независимости

обнаружено не было; трудолюбие несколько выше акцентировано мужчинами. Возрастная дифференциация в предпочтении исследуемых качеств статистически значима: по сравнению с группой респондентов старше 65 лет все более молодые группы сильнее ценят независимость и слабее – трудолюбие. При этом акцент на трудолюбии линейно усиливается с возрастом, а с независимостью ситуация иная: все возрастные группы, кроме самой старшей (65+), примерно одинаково ценят это качество. Перебор опорных категорий подтверждает данный эффект. Это может свидетельствовать о том, что размывание традиционных ценностей в странах Европы идет интенсивнее, чем актуализация индивидуалистических (хотя, конечно, эффект возраста здесь не отделен от эффекта поколения).

Наличие и количество детей оказывает слабое воздействие на выбор исследуемых двух качеств. Люди, имеющие одного ребенка, значимо выше ценят независимость, чем бездетные и воспитывающие 2 и более детей; трудолюбие более популярно у практикующих родителей, чем у бездетных взрослых.

Чем выше образовательный уровень человека, тем выше он ценит независимость в детях; наличие высшего образования указывает на более слабую приверженность трудолюбию. Аналогичный эффект наблюдается и в отношении дохода. Субъективная оценка здоровья оказалась незначимым предиктором для обеих моделей. В целом, жизненное благополучие воздействует на родительские ценности в сторону дальнейшей индивидуализации и ослабление фокуса традиционной социальности.

Религиозность, показателем которой в нашей работе выступает только принадлежность к любой конфессии, укрепляет выбор трудолюбия и ослабляет стремление к независимости. Это полностью соответствует нашим предположениям.

Влияние уровня урбанизации на родительские ценности оказалось наиболее явным в отношении трудолюбия. По сравнению с жителями крупных городов (численностью более 500 000 чел.), респонденты, проживающие в населенных пунктах меньшего размера, меньше стремятся воспитать независимость в детях. Понижающий эффект особенно заметен для самых маленьких населенных пунктов (менее 5000 чел.). Для трудолюбия картина более размытая: нельзя сказать, что приверженность трудолюбию в больших городах слабее, чем в средних и маленьких. Наблюдается даже противоположный эффект.

Обсуждение

Представления о том, каким должен быть идеальный ребенок и какие качества следует поощрять в детях, различаются между странами. Внутри каждого отдельно взятого общества тоже существуют вариации в родительских ценностях. Выбор независимости как ключевого индивидуалистического качества для воспитания в детях указывает на готовность общества к дальнейшей модернизации и эмансипации. Выбор трудолюбия отражает силу традиционных, социально ориентированных ценностей. Распределение 15 европейских стран по силе предпочтения независимости и

трудолюбия в опросах 2017–2018 гг. позволяет сделать вывод о значительном ценностном различии стран Западной Европы и стран социалистического блока, в том числе бывшего СССР, и о ценностной неоднородности восточноевропейских обществ. Россия в этой совокупности оказывается одной из стран с наименее развитой индивидуалистической ориентацией и наибольшей приверженностью традиционной социальности. Ее ценностным «двойником» ожидаемо выступает Белоруссия; Польша тоже оказывается чрезвычайно близка.

Усиление акцента на независимости и отход от трудолюбия проявляется у более молодых респондентов; при этом для независимости действует некий «потолок», выше которого не поднимаются ни младшие, ни средние возрастные группы. По выбору трудолюбия старшие, средние и младшие возрастные группы значимо различаются.

Мы установили, что жизненное благополучие, показателями которого выступают уровень образования и дохода, оказывает усиливающее влияние на выбор независимости и ослабляющее – на выбор трудолюбия. Эффект религиозности ожидаемо оказался противоположным. Все это соответствует положениям теории модернизации.

В дальнейшей работе мы планируем перейти от анализа отдельных детских качеств к обобщенным индексам, предварительно разобравшись со структурой взаимосвязей между детскими качествами в отдельных странах.

Библиографический список

Гельфанд М. Почему им можно, а нам нельзя? / М.: «Альпина Диджитал», 2018. 149 с.

Левада Ю. А. Человек советский пять лет спустя: 1989 – 1994 // Левада Ю. А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993 – 2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 576 с.

Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / под ред. Ю. А. Левады. Москва, 1993. 302 с.

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Костенко, А. А. Широкаковой, научн. ред. Э. Д. Понарин. М.: Мысль, 2018. 346 с.

Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3 – 4. С. 74 – 93.

Окольская Л. А. Желаемые качества детей, их структура и динамика в постсоветской России // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 479 – 515.

Alwin D. F. Changes in Qualities Valued in Children in the United States, 1964 to 1984 // Social Science Research. 1989. No. 18. p. 195 – 236.

Alwin D. F. Religion and Parental Child-Rearing Orientations: Evidence of a Catholic-Protestant Convergence // American Journal of Sociology. 1986. September. 92 (2). p. 412 – 440.

Doepke M., Zilibotti F. Parenting with Style: Altruism and Paternalism in Intergenerational Preference Transmission // *Econometrica*. 2017. September. 85 (5). p. 1331 – 1371.

Duvall E. M. Conceptions of Parenthood // *American Journal of Sociology*. 1946. November. 52 (3). p. 193 – 203.

Fjellvang T. Socialization Values, Cultural-Religious Zones and Modernization Theory // *European Sociological Review*. 2011. April. 27 (2). p. 196 – 211.

Kelley J., De Graaf N. D. National Context, Parental Socialization, and Religious Belief: Results from 15 Nations // *American Sociological Review*. 1997. August. 62 (4). p. 639 – 659.

Kim-Pong Tam K.-P., Lee S.-L., Kim Y.-H., Li Y., Chao M. M. Intersubjective Model of Value Transmission: Parents Using Perceived Norms as Reference when Socializing Children // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. XX(X). p. 1 – 12.

Kohn M. L. Social Class and Parental Values // *American Journal of Sociology*. 1959. 64 (4). p. 337 – 351.

Lenski G. E. The Religious Factor. Garden City, New York: Doubleday, Inc., 1963. 414 p.

Lynd R. S., Lynd H. M. Middletown: A Study in Contemporary American Culture. N. Y.: Harcourt, Brace & Co., 1929. 550 p.

Rudnev M., Magun V., Schmidt P. Within- and between-country value diversity in Europe: A typological approach // *European Sociological Review*. 2015b. August. p. 1 – 14.

Scott J. Is It a Different World to when You Were Growing up? Generational effects on Social Representations and Child-Rearing Values // *British Journal of Sociology*. 2000. June. 51 (2). p. 355 – 376.

Sieben I. Child-rearing Values: The Impact of Intergenerational Class Mobility // *International Sociology*. 2017. 32(3). p. 369 – 390.

Wright J. D., Wright S. R. Social Class and Parental Values for Children: A Partial Replication and Extension of the Kohn Thesis // *American Sociological Review*. 1976. June. 41 (3) p. 527 – 537.

Xiao H. Class, Gender, and Parental Values in the 1990s // *Gender and Society*. 2000a. 14 (6). p. 785 – 803.

Xiao H. Structure of Child-Rearing Values in Urban China // *Sociological perspectives*. 2000b. 43 (3). p. 457 – 471.